

Виссарион Григорьевич Белинский

Виссарион Григорьевич Белинский родился 30 мая (11 июня) 1811 г. в Свеаборге (ныне - Суомен-линна близ Хельсинки). Отец Григорий Никифорович Белинский в 1809 г окончил Петербургскую медико - хирургическую академию, служил лекарем в Кронштадтском морском госпитале и Свеаборгской крепости. Участвовал в военно- морских операциях в 1812 г. за что был награжден медалью. В 1809 г. женился на дочери морского офицера Марии Ивановне Ивановой. Осенью 1816 г. оставив службу, с семьей переехал на родину, в г. Чембар (ныне Белинский) Пензенской губернии, где до самой смерти работал уездным лекарем, дослужившись до чина коллежского асессора (VIII класс в Табели о рангах Петра I). Названный чин, пожалованный в августе 1830 г., давал право на получение свидетельства о дворянском достоинстве, в том числе и потомственном. Дворянскую грамоту В.Г. Белинский получил только 30 января 1848 г. (за 4 месяца до смерти).

Таковы «паспортные данные» истории болезни нашего пациента. Из сведений, относящихся к развитию ребенка, можно привести строки из письма Белинского В.П. Боткину от 16 апреля 1840 г.: «...Я не был грудным, родился я больным присмерти, груди не брал и не знал ее (зато теперь люблю ее вдвое), сосал я рожок». Известно, что грудное вскармливание является более полноценным в плане формирования здоровья в детском возрасте. Во всяком случае, А.Н. Пыпин (биограф Белинского) указывал на «золотушное расположение Виссариона».

Студент Белинский, по свидетельству родственника Д.И. Иванова, вел далеко не праведный образ жизни. Его здоровье было «...преждевременно погублено не столько вследствие враждебных встреч с бедностью и нуждой, сколько по своему неблагоприятному, самодеятельности и невоздержанности и неумеренности в удовольствиях».

Первые сведения о легочном заболевании появляются в письме родителям 7 мая 1830г. В нем сообщается, что в конце апреля он заболел и был госпитализирован: «Из больницы я вышел. Целую неделю меня лечили и не могли излечить от кашля, который теперь

почти прошел сам собою». Следующее сообщение о «простудном заболевании» относится к декабрю 1830г. В письме от 13 января 1831г. Родители извещаются о том, что он «...принужден был пролежать в больнице целые две бесконечные недели по причине жесткого кашля».

После полугодового благополучия в плане здоровья вновь следует сообщение родителям о болезни (письмо от 19 августа 1831 г.): «Я недавно вышел из больницы, в которой пролежал около двух недель... У меня открылась в правом боку жестокая колика, которую еще более усугублял сильный кашель, к этому еще присовокупилась ужасная боль в груди... Он (лекарь) сказал, что у меня, должно быть, воспаление легких, происшедшее от простуды...Я ужасно боюсь, чтобы болезнь моя не обратилась в чахотку». В этом письме он просит мать о присылке ему «теплого, стеганного нагрудника», ибо «опасается простуды». Спустя более месяца (29 сентября 1831 года.) пишет родителям, что «...боль в боку и в груди прошла совершенно, но кашель мучает еще больше прежнего. Ни грудной чай, который я каждый день пил, ни порошки не помогли. Вот уже несколько ночей сряду я не могу спать без того, чтобы кашель ежеминутно не прерывал моего сна...уменьшилась мокрота, однако же некоторого рода одышка и теперь еще не оставляет меня». 27 января 1831г. Сообщает К.Г. Белинскому (брату): «...Я 5 числа сего месяца захворал, почувствовал вдруг сильный лихорадочный озноб...а ночью был жар...сделался маленький кашель». Далее он извещает брата, что в связи с усилением кашля и появлением сильной боли в груди 10 января вынужден был лечь в больницу: «название моей болезни: *Catarrus pulmonalis cronicus cum febris irregulari*» (хронический легочный катар с нерегулярной лихорадкой). Из письма также следует, что его осматривал доктор Дядьковский, а лечащим врачом был Армфельд. Жалуется: «Я чрезвычайно ослаб и редко схожу с постели». Через две недели (10 февраля 1832г.) в письме брату из больницы сообщает: «...Сам писать не могу, а диктую...Болезнь моя нимало не уменьшается. Боль в груди... продолжается, равно как и небольшой кашель. В августе прошлого года (письмо родителям 19 августа 1831 г.) у меня была жесткая колика в правом боку, где оканчиваются ребра... меня посещает иногда легкая лихорадочка...

озноб, а жар бывает только в голове и лице. Вечером же я аккуратно каждый день бываю в жару, который не слишком силен и не слишком слаб и довольно порядочно меня мучает». Спустя более месяца (30 марта 1832г.) пишет родителям, что продолжает находиться в больнице, что у него плохой аппетит, слабый пульс, выраженная общая слабость: «... Не только не могу вслух читать, но даже и говорить много: тотчас возьмет одышка». Отмечает, что лихорадка прошла, но «...проклятый кашель не отпускает».

В этом письме появилась новая дополнительная информация о том, что в левой подмышечной области появился «нарыв», который «...недели через три сделался величиной с куриное яйцо, потом прорвался; я вставлял в отверстие турунды с пуском (мазь из воска с маслом или салом)... видимо еще месяца два придется подежурить в больнице». Из последующих писем родителям и брату (июнь 1832г.) следует, что выписка состоялась 6 мая. При этом она оказалась преждевременной: «Мне нужно бы было пролежать в больнице еще месяца четыре, в продолжение которых меня бы выключили из университета». Считает, что здоровье «...почти невозвратно потеряно. Беспрерывный сухой кашель...колики в обоих боках...жесточкая одышка от всякого входа на лестницу». По — видимому, в связи с этим он бросил курить, о чем известил брата (15 октября 1832г.), хотя мотивировал это тем, что «...трубка иссушает карман и приводит его в самое чахоточное состояние». Вот как выглядел Виссарион в этот период (их воспоминаний П. Прозорова — студента университета): «Наружность его...была очень истощена. Вместо свежего, живого румянца юности на лице его был разлит какой — то красноватый колорит».

14 сентября 1832 г. Белинский был отчислен из университета «за малоуспешностью и по слабости здоровья». Возникли проблемы с трудоустройством. С 1833 года началась работа в журнале «Телескоп» и газете «Молва».

На протяжении 1833-1836 гг. письма носят деловой характер, о здоровье в них не сообщается. Однако из более поздней переписки можно почерпнуть сведения о плохом аппетите, болях в груди. В 1835-1836 гг. К.Д. Кавелин, у которого Белинский был в это время репетитором, указывает на его сутулость, выдающиеся скулы,

нервную возбужденность. После относительно «светлого» периода с весны 1837 года самочувствие стало ухудшаться, в связи с чем летом была предпринята поездка на Кавказ. В письмах из Пятигорска К.С. Аксакову и родственникам (июнь-август) высказывается надежда на возможную поправку здоровья, сообщается о благотворном влиянии ванн, об улучшении цвета лица, повышении аппетита чего уже года два не было. После пребывания на Кавказе состояние здоровья в течение двух лет было сравнительно благополучным, хотя он писал В.П. Боткину 16 декабря 1839г.: «Грудь физически здорова-против обыкновения, я даже не кашляю; но она вся истерзана — нет живого места». К этому времени Белинский уже переехал в Петербург и начал работу в «Отечественных записках». В 1839 г.; вспоминает И.И. Панаев, он был «худощавый, бледный», в петербургском климате всегда слабое здоровье его начало расстраиваться. Белинский часто сетовал на «гноусное финское болото», хотя и родился близ Хельсинки. Уже с начала 1840 г. его стала мучить одышка, он признается И.И. Панаеву: «Жизнь моя не должна быть долга, во мне зародыш чахотки, - это я очень хорошо знаю». Тем не менее он ведет «...беспорядочный образ жизни» (из письма Д.П. Иванову 21 февраля 1840 г.).

В письмах 1840-1843 гг. часто встречаются рассуждения о «чувственных наслаждениях, страстной влюбленности во все, что носит юбку», об увлеченности преферансом, в который он «... готов играть утром, вечером, ночью, днем, не есть и играть, не спать и играть», он часто возвращается домой «то в 3, то в 4 часа ночи». С весны 1843 г. здоровье стало ухудшаться, о чем сообщает В.П. Боткину 17 апреля 1843 г.: «Здоровье мое с каждым днем ухудшается, и в душу вкладывается грустное предчувствие, что я скоро отправлюсь туда, куда страх как не хочется идти». Высказывается о неизбежности «жестоким болезнью, от которой надо будет медленно исчахнуть». Вот как выглядел Белинский летом 1843 г. (из воспоминаний И.С. Тургенева): «Худощавый, с впалой грудью... Одна лопатка заметно выдавалась больше другой... Всякого, даже не медика, немедленно поражали в нем все главные признаки чахотки, весь так называемый habitus этой злой болезни. Притом же он почти постоянно кашлял. Лицо он имел небольшое, бледно-красноватое».

Однако, по утверждению А.И. Герцена, в этом «хилом теле обитала мощная гладиаторская натура».

Болезнью сифилисом и его младший брат. В письме врачу и другу Н.Х. Кетчеру (март 1841г.) Белинский писал: «Благодарю тебя... за моего полоумного брата. Дуралей, схватил шанкер (с одной стороны это даже похвально), а то, что скрывал его, и если бы ты насильно не спас его, он погиб бы».

Летом 1843г. Во время пребывания в Москве Белинский сближается со своей будущей женой-Марией Васильевной Орловой, дочерью священника, классной дамой Московского Александровского института. Из 11 писем, адресованных М.В. Орловой с 8 сентября по 27 октября, следует, что в Петербург он возвратился с лихорадкой, которая прошла, но повторилась в середине сентября и в начале октября. При этом ожидание писем от М.В. «обнаруживается в нем лихорадкою».

В конце октября он «... опять почувствовал лихорадочный удар... разболелся не на шутку». Следует подчеркнуть, что врач, постоянно наблюдавший Белинского, причиной лихорадки этого периода тоже считал «нравственное раздражение».

В ноябре 1843 г. Белинский женился, у него появились дополнительные заботы и материальные расходы, требовавшие усиленной работы. Можно лишь отметить, судя по письму Т.А. Бакуниной 5 декабря 1844г., когда он был «...так болен как никогда не бывал». Кроме того, в более поздних письмах А.И. Герцену (14 января 1846г.) и жене (14 августа 1847г.) Белинский вспоминает о своей страшной болезни осенью 1845 года. Эти пробелы в нашей истории болезни частично восполняются и воспоминаниями современников. Как сообщила А.В. Орлова, летом 1845г., будучи на даче (под Парголово), Белинский купался в озере и «... схватил воспаление, его полуживого перевезли в город; всю осень и зиму хворал». Эти сведения позволяют полагать, что болезнь упорно прогрессировала.

Летом по рекомендации врача он совершает поездку на юг (Харьков, Одесса, Николаев, Херсон, Крым). Уже после месячного пребывания на юге отмечается улучшение самочувствия. В письме жене из Одессы (24 июня 1846г.) он писал: «здоровье мое очень

поправилось: я и свежее, и крепче, и бодрее. Что же касается кашля, - в отношении к нему я стал совершенным барометром: солнце жжет, ветра нет — грудь моя дышит легко, мне отрадно, и кажется, что проклятый кашель навсегда оставил меня; но лишь скроется солнце хоть на полчаса за облако, пахнет ветер — и я кашляю. Впрочем, сильные припадки кашля оставили меня уже с месяц». Однако в письме А.И. Герцену (4 июля 1846г.) он сообщает о том, что «целое утро харкал кровью», а жене (8 июля 1846г.) пишет «... Откашливаюсь с кровью... доктор дал микстуру, от которой... отвлекло, прилив крови от груди вниз». Повторные кровохаркания начались у Белинского, по-видимому, с начала 40-х гг. К этому периоду относятся воспоминания А.И. Герцена: «Спор оканчивался очень часто кровью, которая у больного лилась из горла. Бледный, задыхающийся, с глазами, остановленным на том, с кем говорил, он дрожащей рукой поднимал платок ко рту и останавливался, глубоко огорченный, униженный своей физической слабостью». О кровохарканиях в 1844 г. пишет А.В. Орлова: «Раз вбегаю в комнату; Белинский лежал на диване, а на полу я увидела пятна крови... Белинский сказал, что у него это часто бывает». С января 1847г. Отмечено дальнейшее прогрессирование болезни. В письме В.П. Боткину (29 января) Белинский сообщает, что был близок к смерти, а П.В. Анненкову жалуется на упадок сил и одышку: «Устаю от всякого движения, иногда задыхаюсь оттого, что переверочусь на кушетке с одного бока на другой». «Я не живу, я умираю медленной смертью», - пишет он И.С. Тургеневу (12 апреля 1847г.) Вновь в письмах встречаются сетования на плохую погоду: «...Жить в петербургском климате, на понтийских болотах, гнилых и холодных, мне нет никакой возможности (В.П. Боткину — 22 апреля 1847г.) По рекомендации врача Белинский с помощью друзей начинает собирать средства для поездки за границу, которую в письме Д.П. Иванову (5 мая 1847г.) оценивает «как последнее средство к избавлению от чахотки, которая еще не развилась, но уже началась».

В мае — июле он находится в Германии, в августе — сентябре — во Франции. В июне 1847г. В Зальцбрунне с Белинским встречается П.В. Анненков. Он вспоминает: «Я едва узнал Белинского... Лицо его сделалось бело и гладко, как фарфор... Страшная худоба и глухой звук

голоса довершали впечатление, которое я старался скрыть, сколько мог... Начался длинный, томительный месяц безнадежного лечения... Страстная его натура как ни была уже надорвана мучительным недугом, еще далеко не походила на потухший вулкан». Из-за границы Белинский пишет подробные письма жене. После месячного пребывания на водах (Зальцбрунн) он сообщает 16 июня 1847г.: «Я начинаю чувствовать себя лучше... Кашля почти нет, а бывает вместо него легкое удушье... а перед этим чувствовал себя слабым, и спазматическое дыхание сильно меня мучило даже по утрам». Больной отмечает улучшение аппетита, прибавку сил, более здоровое выражение лица, однако судорожное дыхание, одышка, удушье, кашель постоянно фигурируют в его письмах. По рекомендации друзей он решает поехать в Париж к известному в Европе специалисту по грудным болезням Тира де Мальмору. По утверждению Белинского, доктор Тира изобрел новое и самое действительное против чахотки средство, тайну которого он хранит для себя». В письмах 3 и 4 августа 1847г. Сообщает о результатах осмотра врача: «Он нашел, что у меня в легких есть два завала, оба в плечах, но что завал правого плеча незначителен, а надо обратить внимание на завал левого плеча... Я не раз говорил Тургеневу и Анненкову, что мне нельзя лежать ни на котором боку, потому что от этого делается у меня болезненное сжатие в груди. Я сказал врачу, что, по словам моего доктора, у меня были раны на левом легком тут-то, и указал ему место: он тотчас бросился слушать и сказал, что, действительно, раны были, но что они совершенно затянулись... Доктор положил мне пластырь на левое плечо... ношу жаровню с горячими угольями, на которые сыплет какой-то порошок. И я должен вдыхать в себя эту мерзость при закрытых окнах. Третьего дня я начал принимать его радикальное, им изобретенное лекарство — (вода грудная растворяющая) — и вот уже другое утро, как я ни разу не кашлянул».

Данное письмо переведено подробно, ибо оно представляет интерес в плане объективного (физикального) исследования легких больного. Основываясь на данных осмотра специалиста по грудным болезням, следует полагать, что у Белинского наиболее выраженные патологические изменения локализовались в верхних отделах обоих

легких («завалы в плечах»), больше слева. «Плечо» в данном случае следует воспринимать не в научном анатомическом смысле, а в общепринятом житейском. Здесь уместно вновь сослаться на приведенные выше сведения наблюдательного Тургенева, которые можно отнести к данным врачебного внешнего осмотра больного. И.С. Тургенев подметил, что у Белинского «одна лопатка заметно выдавалась больше другой». С учетом результата аускультации легких доктором Тира можно полагать, что это была левая лопатка, ибо профессионал выявил более значительные изменения в левом легком, развивавшиеся на протяжении длительного времени. Это обусловило уменьшение в объеме левой половины грудной клетки, объективным признаком которого стала заметно выдающаяся лопатка.

Уже через десять дней после начала лечения Белинский в письме от 14 августа 1847г. Сообщает жене об улучшении своего состояния: «Кашлю почти нет вовсе... Лучше всего то, что меня оставил утренний кашель, самый мучительный, как ты должна помнить. Теперь я по утрам только харкаю и отхаркиваюсь без труда и усилия, но уже не кашляю вовсе. Прежде меня мучило такого рода ощущение в груди, как будто мои легкие засыпаны песком — теперь этого ощущения нет вовсе — я дышу свободно и могу вздохнуть глубоко. Еще недавно при глубоком вздохе я чувствовал боль в боках под ребрами — теперь и это проходит... Сплю как убитый, ем славно...».

Приведенные сведения позволяют заключить, что в клинических проявлениях заболевания в этот период на первый план выступали выраженные нарушения дренажной функции бронхов, которую доктору Тира удалось существенно улучшить. Это способствовало и уменьшению одышки.

В письме 22 августа 1847г. Белинский пишет: «Я страдал не одним кашлем, но еще и одышкой, что не мог быть в лежачем положении, особенно не мог лежать на спине — как, бывало, лягу, так и закашляюсь; что дышать для меня было трудом, работою, да еще тяжелою... Одышка еще есть и теперь, но уже не такая, как была прежде — постоянная и беспричинная: теперь если она бывает, то от усталости, от лестницы, от иного движения... Дышу я теперь легко, а в

погоду теплую... наслаждаюсь процессом дыхания... не чувствую, чтобы мои легкие были засыпаны какой-нибудь дрянью... Заключаю: я еще не выздоровел, но крепко и видимо выздоравливаю. Узнать же, выздоровел ли я, можно только проведя осень и зиму в Петербурге».

Описания Белинского оказались оправданными. После возвращения из Франции уже в октябре 1847г., судя по письму В.П. Боткину «показались раны на легких». Из воспоминаний И.И. Панаева: «...С осени 1847г. - кашель начинал опять страшно мучить его днем и ночью, отчего кровь беспрестанно прилиwała к голове. По вечерам чаще и чаще обнаруживалось лихорадочное состояние, жар... Силы его гаснули заметно с каждым днем... К весне болезнь начала действовать быстро и разрушительно. Щеки его провалились, глаза потухли, изредко только горя лихорадочным огнем, грудь впала, он еле передвигал ноги...» Судя по письму П. В. Анненкову (15 февраля 1848г.), с начала января наступило и продолжилось ухудшение: «Истощение сил страшное-еле двигаюсь по комнате... потерял всякий аппетит. К довершению всего, выезжаю пользоваться воздухом в наморднике... Это для того, чтобы на холоде дышать теплым воздухом... Тильман утешает меня тем, что в Петербурге тяжелое время для всех слабогрудых... Устал диктовать...» По свидетельству жены, последние 3-4 месяца Белинский не мог сам писать, он диктовал письма лежа на кушетке.

Последнее письмо М.М. Панову датировано 27 марта 1848г.: «... По болезни не выхожу из дому... доктор запретил мне ходить до тех пор, пока не просохнет земля и не установится теплая погода. Теперь же для меня, как для всех чахоточных, самое опасное время: чуть простудишься слегка, и опять появятся ранки на легких, как это уже не раз со мною было... Меня пользует главный доктор Петропавловской больницы г. Тильман».

В воспоминаниях И.С. Тургенева приведены выдержки из письма одной дамы, посещавшей Белинского в последние недели его жизни: «...При каждом свидании с ним мы находили его страшно изменившимся, и казалось, что больше похудеть ему уже нельзя, но, увидев его опять, находили еще страшнее».

По свидетельству современников, Белинский встречал гостей

полулежа на диване, часто лоб его был повязан мокрым платком. Незадолго до смерти его навещал И.К. Айвазовский. В его памяти запечатлелись «... впавшие щеки, озоренные чахоточным румянцем». Острый глаз художника подметил в лице больного «тяжелую жизненную борьбу и веянье смерти». Около 20 мая во время игры с дочкой Белинский сильно закашлялся, на этом фоне у него развился тяжелый приступ удушья.

Умер В.Г. Белинский 26 мая в шестом часу утра, не дожив 4-х дней до своего 37 летия.

Мысли В.Г. Белинского о литературе и искусстве, его высказывание о России и ее народе остаются животворными и в наши дни. Н.А. Добролюбов, считавший Белинского своим учителем, писал: «Чтобы ни случилось с русской литературой, как бы пышно ни развивалась она, Белинский всегда будет ее гордостью, ее славой, ее украшением».